

КОМАНДНАЯ СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ БОСПОРСКОЙ АРМИИ В I-III ВВ. Н.Э.

Боспорское царство первых веков нашей эры предстает перед нами как военизированное государство, ориентированное, главным образом, на успешную организацию защиты и нападения относительно соседских варварских племен. Чтобы успешно противостоять им, нужно было, прежде всего, воспринять или творчески переработать военные новшества, родившиеся в мире кочевников евразийских степей. В то же время в военном отношении Боспор во многом унаследовал опыт эллинистических монархий, дополнив его отдельными достижениями римлян.

Несомненно, главой боспорской армии, как и в предшествующий период, считался сам царь, и она была для него главным инструментом поддержания власти. Возможно, как высший воинский ранг на Боспоре этого времени следует рассматривать должность, именованнуюся ὀϋλί τῆς βασιλείας (КБН № 36, 58, 628, 1051, 1134, 1249), и трактовать ее как обозначение командования царским войском в пределах столицы и прилегающей к ней области.¹ Во всяком случае, в списке членов привилегированного фиаса судовладельцев-навклеров из Горгиппии конца II - начала III вв. сначала упоминается ὀϋλί τῆς βασιλείας Афинодос, сын Селевка, а затем уже наместник Горгиппии (КБН № 1134). Последняя должность должна была сочетаться с широкими военными полномочиями,²

как и подобные ей, связанные со своего рода военно-административными округами - «наместник Феодосии», «начальник острова», «начальник аспургинан», «пресбевт» (в значении, близком римскому «легату» времен Империи, т.е. самостоятельный наместник или военачальник) Танаиса.

Помимо упомянутых лиц, облеченных доверием монарха, командная структура армии включала ряд известных нам должностей, традиционных для эллинистических армий. Так хилиархом мог именоваться крупный военный чин, аналогичный римскому трибуну,³ или командир царской гвардии. Скорее всего, начальниками значительных воинских соединений были упоминающиеся в надписях стратеги. Значимость этой должности на Боспоре подтверждается выделением в I в. н. э. на пантикапейском некрополе для лиц, занимавших ее, специального участка под названием «Стратегон» (КБН № 827). Кроме того, две посвятительные надписи, относящиеся ко времени правления царей Асандра и Котиса II, поставлены от имени лиц, занимавших должность наварха — командующего флотом (КБН № 30, 33).

Все перечисленные должности относятся к сфере высшего командования, точную картину иерархии которого трудно представить. Нельзя до конца исключить и возможность того, что титул стратега могли носить также и крупные чиновники,

занятые в гражданской сфере.⁴ Во всяком случае, круг людей такого рода, занимавших высшие придворные и военные посты, был не так уж велик. Известны и менее значимые должности, например, в одной из пантикапейских надписей упоминается спирах Гаттиан (КБН № 263). Этот термин, видимо, обозначал командира пехотного отряда в 600 воинов, равного по численности римской когорте. Примечательно, что войско, набранное Митридатом VI Евпатором на Боспоре в 63 г. до н. э., состояло из шестидесяти отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr. 87). Возможно, именно с этого времени спира, созданная по образцу когорты римскими перебежчиками, стала основной тактической единицей боспорской армии.⁵ Наконец, существовала и должность лохага (КБН № 36, 1000, 1051, 1136, 1179, 1231, 1251а), функции которого до конца неясны. Видимо, лохаги были командирами отдельных небольших отрядов в составе армии, подчинявшихся непосредственно стратегам без каких-либо промежуточных инстанций.⁶ Скорее всего, постоянной численности такие отряды не имели: все зависело от количества воинов, набиравшихся по территориально-административному принципу.⁷

Как именно формировалась боспорская армия, мы можем только догадываться. В свое время В. Д. Блаватский предположил, что, как и в сарматском обществе, все свободное мужское население Боспорского царства было связано с военной службой,⁸ но насколько обоснована эта гипотеза? Можно утверждать

только одно: по крайней мере, часть населения царства была связана с его военной организацией, и вооружение воина в данном случае зависело от уровня его благосостояния.

Несомненно, определенную долю боспорского войска составляли воины-профессионалы, получавшие постоянное жалованье. Частью это были наемники иноземного происхождения, что было обычной практикой вассальных по отношению к Риму правителей. Так, на погребении иудейского царя Ирода Великого в траурном шествии "сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов", а затем уже все остальное войско (Ios. Fl. Ant. Jud. XVII, 8, 3). Представляется вероятным, что в этот период и на Боспоре этнический состав наемников был примерно таким же, конечно, при некоторой доле выходцев из соседних варварских, прежде всего сарматских племен. У Аппиана в описании событий, связанных со смертью Митридата VI Евпатора в 63 г. до н. э., упоминается начальник галлов Битоит (App. Mithr. 111). Вряд ли его отряд был распущен, когда на трон взшел новый царь. Изготовленные в пантикапейских мастерских терракоты конца II в. до н. э. — I в. н. э., воспроизводят образы воина-галата или воина в варварском одеянии со своего рода этнической эмблемой — большим овальным щитом — тюресом.⁹ Для него характерны такие особенности, как выпуклая поверхность, вытянутый умбон с рельефным ребром по длинной оси и валик по краю.¹⁰ Это предполагает довольно хорошее знаком-

ство жителей боспорских городов с их владельцами.

Как свидетельство наличия в столице отряда фракийских наемников можно рассматривать грекоязычную эпитафию Диза, сына Бифия (II в. н. э.), где сказано, что он был $\kappa\epsilon\nu\tau\omicron\lambda\iota\omega\nu\text{'o } \kappa\alpha\iota \pi\rho\acute{\iota}\nu\kappa\iota\psi$ Фракийской спиры (КБН № 666). В свое время это считалось свидетельством временного пребывания на Боспоре римских войск и, в частности V Фракийской когорты.¹¹ Но, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, этот человек не имел римского гражданства, и прожил на Боспоре довольно длительное время. Дополнительным указанием на принадлежность фракийской спиры к боспорской армии¹² служит упоминание о ней в одной из пока еще не изданных пантикапейских надписей в перечне этапов воинской карьеры чествуемого лица из окружения царя Савромата I.¹³

Должность, указанная в эпитафии, обычно переводилась как «центурион и начальник отряда фракийцев», но тогда непонятно почему Диза не называют просто спирахом, да и достаточно скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Не исключено, что $\kappa\epsilon\nu\tau\omicron\lambda\iota\omega\nu\text{'o } \kappa\alpha\iota \pi\rho\acute{\iota}\nu\kappa\iota\psi$ - это просто греческая «калька» с латинского *centurio principis*. Так именовали командира одной из вторых по старшинству центурий в когорте, носивших название центурии принципов. В данном случае указание на статус центуриона позволяет предполагать, что бос-

порские подразделения, созданные по римскому образцу, дублировали соответствующую организационную структуру.¹⁴ В III-IV вв., судя по ряду пантикапейских надписей, название этой должности существует в сокращенном, но, тем не менее, всем понятном варианте - $\pi\rho\acute{\iota}\nu\kappa\iota\psi = \pi\rho\acute{\iota}\nu\kappa\iota\omicron\lambda\omicron\zeta$ (КБН № 35, 744, 811).¹⁵

Общую численность наемных континентов в составе боспорского войска определить невозможно. В конечном итоге она определялась объемом отпускавшихся на их содержание денежных средств. Впрочем, финансовые возможности Боспора, даже в лучшие времена, в период его первого расцвета в IV в. до н. э., не простирались далее содержания 4 тыс. наемных воинов.¹⁶ Условно эту цифру можно принять за основу и для римского времени. В данном отношении вполне сопоставимо количество воинских сил, выделенных для поддержания порядка на северном побережье Понта при императоре Нероне, - 3 тыс. солдат (*Jos. Fl. Bell. Jud. II. 16.3*).

Отборная часть боспорских воинов, судя по всему, несла постоянную военную службу при дворе. В случае военных действий это элитное подразделение, по-видимому, выступало как конный корпус типа «агемы», отряда конницы численностью в тысячу человек, в войске Селевкидов.¹⁷ Когда Фарнак потерпел поражение от Юлия Цезаря в битве при Зеле (47 г. до н. э.), он прибыл в Синопу именно с тысячей всадников, а затем вместе с этим воинами вернулся на Боспор (*App. Mithr. 120*), что позволяет рассматри-

вать их как отряд царской гвардии. Видимо, со времени правления Аспурга на особом положении в составе гвардии находились представители родственных правящей династии аспургиан.¹⁸

Часть постоянного войска была рассеяна по гарнизонам городов и, вероятно, подчинялась наместникам соответствующих военно-административных округов. В случае развертывания масштабных военных действий в состав вооруженных сил Боспора могли включаться военные поселения, набиравшиеся среди сельского населения или соседних варварских племен. В таком случае их размещали в заново отстроенных или возведенных от основания крепостях и предоставляли прилегающие земельные угодья, размежеванные на отдельные участки. Подобная практика широко применялась в эллинистических государствах, обеспечивая их внушительный военный потенциал, и часто сопровождалась отменой на определенный период налогов с урожая и плодов земли.¹⁹ Возможно, поселенцы получали также оружие и прочее военное снаряжение. В свою очередь они были обязаны нести сторожевую службу, держать под контролем дороги, участвовать в подавлении внутренних волнений или отражении нападений извне. Постоянных расходов из казны такие воинские подразделения не требовали. Конечно, в случае войны они могли получать подарки и, наверняка, имели долю в добыче. Успешное завершение боевых действий также, видимо, отмечалось денежными раздачами. Таким образом,

военные поселения, созданные в приграничных районах на направлениях возможных вражеских вторжений, избавляли боспорских царей от необходимости содержать здесь большую армию прикрытия.

Вторая, более многочисленная часть резерва, это граждане боспорских городов. Роль их в обороне государства возросла, очевидно, в связи усилением элементов городского самоуправления при Митридате VI Евпаторе, а затем, уже со времени императора Августа, в противовес власти боспорских царей. В этом отношении чрезвычайно интересен фанагорийский декрет 88/87 гг. до н. э. о предоставлении гражданства иноземным наемникам "за то, что они достаточно продолжительное время несли службу вместе с нами". Привилегии даются им "на том условии, чтобы они не платили ни причитающиеся общественные сборы, ни плату за квартирование, ни дополнительную плату, будучи свободными от всех чрезвычайных взносов и от любого рода повинностей, кроме всеобщего набора в войско...".²⁰ Упоминаемая здесь практика всеобщего набора в войско объясняет обилие изображений воинов на боспорских надгробиях. Из ряда эпитафий становится ясно, что военная служба вовсе не была основной профессией погребенного. Наиболее характерным примером в данном отношении является найденное в Керчи надгробие I в. н. э., воздвигнутое на могиле тратоника, сына Зенона. В верхнем рельефе надгробия он изображен в длинном гиматии, со свитком - в руке, а на нижнем - он же выступа-

ет в виде конного воина.²¹ На правом боку всадника лук «гуннского» типа и колчан для стрел, на правом бедре — кинжал с кольцевидным навершием. В надписи под рельефом говорится: «Храня и мудрость и дивный характер, погиб ты, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, будущие века узнают из книг твою прелестную мудрость.» (КБН № 145). Таким образом, Стратоник, писатель или философ, тем не менее, нес военную службу, когда его, вероятно, и постигла смерть.

При общей численности населения около 80–90 тыс. человек боспорские города могли выставить гражданское ополчение не менее 14 тыс. воинов. Возможно, с командованием военным отрядом горожан связана должность политарха, фигурирующая в ряде надписей. В любом случае военный аспект этой должности определенно вытекает из найденной в Фанагории надписи 179 г. на стеле Агафуса, сына прежнего начальника острова Сакла. Надгробная надпись упоминает его как «хорошо управлявшего в прошлые времена канцелярией, а затем ставшего доблестным политархом и превосходным лохагом вследствие своего исключительного благоразумия по отношению к владыкам-царям» (КБН № 1000). Отметим также несомненно военный аспект должности старшего гражданина²² Зенона, сына Дада от имени которого в Танаисе была поставлена посвятительная надпись, повествующая о победах царя Свромата II (КБН № 1237). Таким об-

разом, можно полагать, что и преемники Митридата VI, и представители династии Тибериев-Юлиев вполне терпимо относились к наличию в полисах своего гражданского ополчения и традиций военной подготовки граждан, чтобы в случае необходимости использовать их в собственных интересах.

Помимо граждан боспорских городов, в ряде случаев могли привлекаться и военные силы подчиненных Боспору племен — синдов, меотов, дандариев, тарпетов, торетов, пессов и танаитов, перечисление которых дается в двух надписях периода правления царя Аспурга (КБН № 39, 40). Для некоторых из них, например, синдов можно предположить прямое управление царя через своих наместников, для других — сохранение племенных вождей. По крайней мере, в отношении дандариев это известно точно (Тас. Ann. XII. 15). В любом случае, племена, включенные в состав Боспорского государства, очевидно, должны были выставлять воинские контингенты по первому требованию. При аналогичной ситуации в царстве Селевкидов туземные войска составляли около половины численности всей армии.²³

Возможно, для этнических общностей жестко инкорпорированных в структуру Боспорского царства, использовалась уже упомянутая командная структура. В частности, из одной пантикапейской надписи нам известен стратег тикандитов Дама, сын Гая. Правда, этот этноним более нигде неизвестен. Немецкий ученый Г. Кизерицкий предполагал здесь ошибку резчика и

предлагал читать "ликандитов" от Lykandos — названия области в Малой Азии.²⁴ Данное предположение, впрочем, не объясняет, как этот стратег мог оказаться столь далеко от своей родины, разве что в роли командира наемников.

Кроме того, мы знаем примеры привлечения на сторону Боспора военных сил соседних племен. Так, по сообщению Страбона, в период правления на Боспоре Фарнака, царь сираков Абеак выставил 20 тысяч всадников (Strabo XI, 5, 8).²⁵ Кстати, та же цифра фигурирует у Лукиана, где говорится о военных действиях, предпринятых боспорским царем, в которых принимают участие всенародное ополчение гре-

ков и призванные на помощь аланы и савроматы в количестве по 20 тысяч от каждого племени (Luc. Tox. 54). Такие союзы, носившие, безусловно, достаточно временный характер, могли достигаться либо путем дипломатических браков, либо посредством богатых даров.

Такая система военной организации царства оказалась удивительно жизнестойкой даже в смутные для Римской империи годы, когда Боспор был предоставлен сам себе. Все же она не была рассчитана на отражение значительных воинских масс противника, что показали события времени готских походов третьей четверти III в. н.э.

Примечания

1. Сидоренко В.А. Высшие воинские должности на Боспоре во II - начале IV вв. н.э. (по материалам эпиграфики) // Боспорские исследования. 2001. Вып. 1. С. 137-138.
2. Управление какой-либо областью и ранее сочеталось на Боспоре с попечением о вооруженной силе: ср. Isocr. Trapez., 3.
3. Ср.: IPE. F. № 404.
4. Алексеева Е.М. Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2. С. 75.
5. Ср.: Маслеников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М. 1990. С. 144.
6. Lammert F. Λοχαγός // RE. Bd. XIII. Hbhd. 25 (1926). Sp. 945.
7. Нефедкин А.К. Развитие древнегреческого лоха // Para bellum. Военно-историческое обозрение. 1998. № 5. С. 24-31.
8. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1954. С. 141-142.
9. Пругло В.И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М. 1966. С. 205 сл. Рис. 1.
10. Там же. Рис. 2.
11. Sichorius C. Cohors // RE. 1901. IV. 277; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л. 1949. С. 334; Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М. 1979. С. 39.
12. В последнее время многие исследователи склоняются к мнению, что это именно боспорское воинское формирование: см. Крыкин С.М. Фракийцы в Северном Причерноморье. М. 1993. С. 239; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К. 1998. С. 84-85; Сапрыкин С.Ю. Неопубликованная эпитафия из Горгиппии // ВДИ. 2001. № 1. С. 191.
13. Vinogradov J.G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast. The Caucasus and Central Asia (1985-1990) // Ancient Civilizations. 1994. Vol. I. No. 1. P. 74.
14. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К. 1998. С. 84.

15. Ср.: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. 1976. С. 810, где одно из значений *principes* - «центурион (командир) принципов».
16. Diod. XX. 22; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953. С. 202 сл.
17. Secunda N. The Seleucid Army. Stockport. 1994. P. 22.
18. Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. 2000. Вып. 3. С. 57; его же. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 234.
19. Ср., напр.: Ios.FI. Ant. Jud. XVII. 2. 1.
20. Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 16.
21. Гайдукевич. Ук. соч. С. 385 сл. Рис. 64.
22. Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб. 1909. С. 126.
23. Secunda N. Op. cit. P. 12.
24. Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin. 1909. S. 107.
25. Численность выставленного аорсами войска — 200 тысяч всадников, указанная в том же пассаже Страбона, конечно, неоправданно завышена и может служить лишь относительным показателем больших потенциальных возможностей этого племени в военном отношении.